

А.Г. Козинцев, В.И. Селезнева

**ВТОРАЯ ВОЛНА МИГРАЦИИ ЕВРОПЕОИДОВ
В ЮЖНУЮ СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ
(К ВОПРОСУ ОБ ИНДОИРАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ
В ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЕ)**

*Памяти Ильи Иосифовича Гохмана
и Валерия Павловича Алексеева*

Вопрос о происхождении так называемых «средиземноморцев» Южной Сибири, Казахстана и Центральной Азии продолжает вызывать оживленные споры. Наша попытка показать, что европейское происхождение грацильных групп эпохи бронзы данного региона, традиционно относимых к средиземноморскому типу, гораздо вероятнее, чем среднеазиатское, закавказское или ближневосточное [Козинцев 2008, 2009]¹, вызвала возражения [Кирюшин, Солодовников 2010; Худавердян 2013]. Цель данной заметки – привлечь внимание к некоторым новым фактам, в свете которых становятся понятнее факты, уже известные.

В таблице 1 приведены измерения семи краниологических серий с территорий от ФРГ до Тувы, относящихся к эпохам от IV до I тыс. до н.э. (см. рисунок). Серия культуры воронковидных кубков (*Tiefstichkeramik*) из Осторфа на северо-востоке ФРГ измерена Г. Асмус и Г. Гриммом [Schwidetzky, Rösing 1989, № 106], серии ямной культуры с р. Ингулец и катакомбной культуры с р. Молочной – С.И. Круц (неопубликованные данные); елунинская серия с верхней Оби изучена К.Н. Солодовниковым и С.С. Тур [2003], окуневская (чаахольская) из могильника Аймырлыг в Туве – И.И. Гохманом [Алексеев, Гохман, Тумэн 1987], алакульская из южного Приуралья – Е.П. Китовым [2011], степная скифская из Северного Причерноморья – разными авторами, в основном С.И. Круц (неопубликованные данные). Расстояния D^2 Махalanобиса между этими сериями с поправкой на численность приведены в таблице 2, наиболее близкие связи показаны на карте (рисунок).

Теснейшее сходство большинства из этих групп, несомненно, отражающее миграции индоевропейских племен, бросается в глаза. Однако направление миграций устанавливается с определенностью лишь в некоторых случаях. Оно неясно, в частности, для наиболее западного звена в предполагаемой цепи, связывающего группу культуры воронковидных кубков с ямной. Это звено наиболее важно для решения проблемы индоевропейской прародины. Сторонники «курганной теории» полагают, что движение

¹ До нас об этом писал А.В. Шевченко [1984].

Таблица 1

**Средние величины измерительных признаков в мужских краниологических сериях
эпох неолита, бронзы и раннего железа с территории Евразии**

Признак	Воронковид- ные кубки (Осторф)		Ямная (Ингулец)		Катакомбная (Молочная)		Елуинская (Верхняя Обь)		Чаахоль- ская (Тува)		Алакуль- ская (Южный Урал)		Скифская (причерно- морские степи)	
	n	x	n	x	n	x	n	x	n	x	n	x	n	x
1. Продольный диаметр	15	191,9	7	188,7	5	190,8	11	192,3	5	192,6	14	191,2	193	189,1
8. Поперечный диаметр	15	137,0	8	140,9	5	139,6	12	139,4	5	139,5	12	137,9	180	141,6
8:1. Черепной указатель	-	71,4*	7	74,8	5	73,4	8	72,3	4	73,2	12	72,4	-	74,9*
17. Высотный диаметр	13	135,0	6	137,8	3	138,3	11	137,3	4	133,5	5	137,6	115	135,5
9. Наименьшая ширина лба	16	96,9	8	99,6	6	98,5	9	95,7	5	97,4	13	95,3	196	98,0
45. Скуловой диаметр	9	137,6	4	138,0	5	136,2	7	133,9	5	136,0	5	133,6	139	134,6
48. Верхняя высота лица	11	≥70,2**	5	71,6	7	71,9	7	73,9	4	73,0	13	71,1	166	71,5
55. Высота носа	11	51,5	5	51,0	7	52,7	7	52,2	5	52,4	12	51,6	166	51,3
54. Ширина носа	11	25,5	5	25,3	7	25,9	7	25,8	5	24,8	11	25,3	174	24,7
51. Ширина орбиты (mf)	11	42,3	6	43,0	7	42,6	8	44,0	5	42,8	11	44,0	165	42,7
52. Высота орбиты	11	32,5	6	32,6	7	33,0	8	34,1	5	33,8	13	33,1	176	32,8
77. Назо-малярный угол	-	-	6	135,3	7	137,9	11	139,5	5	134,0	11	136,5	144	138,5
Зиго-максиллярный угол	-	-	4	122,0	4	122,0	4	130,3	5	127,8	10	126,3	136	127,1
SS:SC. Симотический указатель	-	-	5	60,1	6	56,8	8	44,7	5	54,2	13	48,1	148	56,6
75 (1). Угол выступания носа	-	-	3	32,0	5	33,8	5	29,0	5	31,0	8	28,3	93	31,9

* – индекс средних.

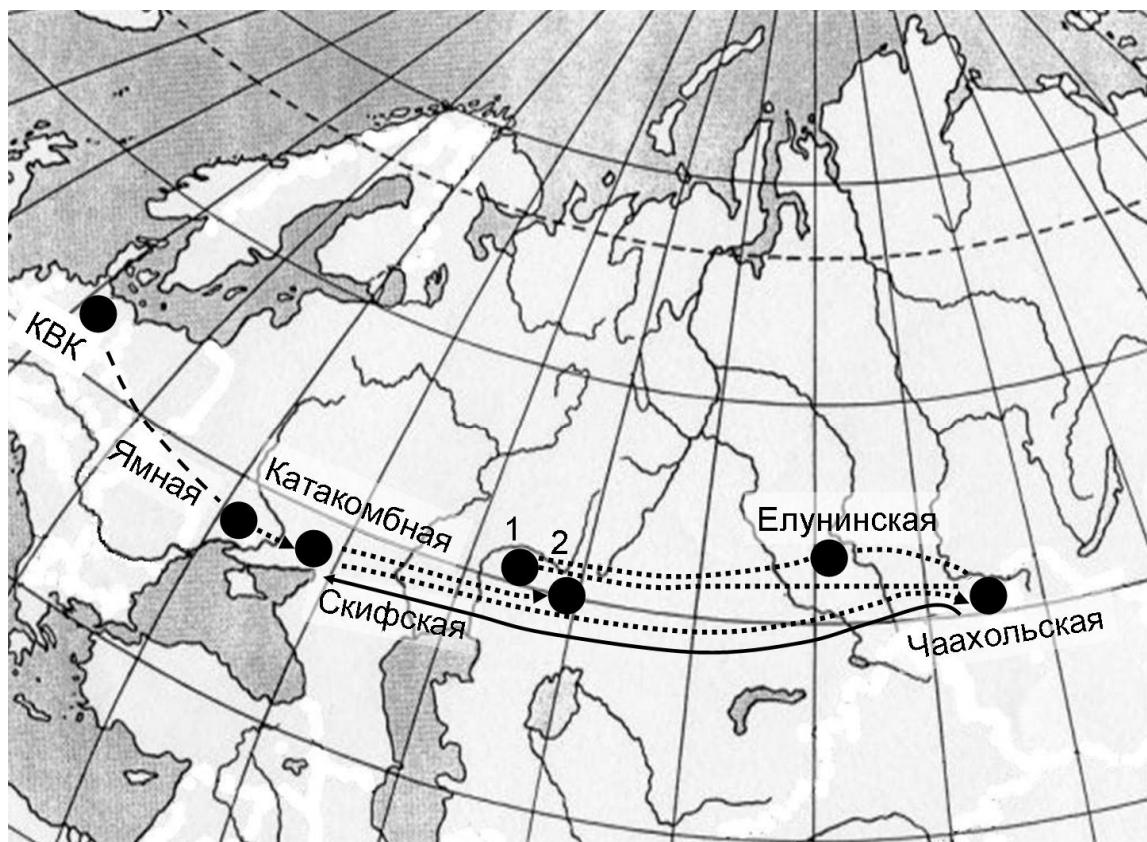
** – возможно, измерено до переднего простиона. При подсчете расстояний данная величина не учитывалась.

Таблица 2

Статистические расстояния (D^2) между группами

	КВК	Ямная (Ингулец)	Катаомбная (Молочная)	Елунинская	Чаахоль- ская	Алакуль- ская (Урал)
Ямная	-0,07	-	-2,34	7,60	-0,21	3,65
Катаомб- ная	-0,42	-2,34	-	4,51	0,41	2,29
Елунинская	2,90	7,60	4,51	-	1,56	-0,71
Чаахольская	-1,25	-0,21	0,41	1,56	-	0,45
Алакульская (Урал)	2,34	3,65	2,29	-0,71	0,45	-
Скифская (степная)	2,08	0,24	0,39	3,67	-0,23	2,52

КВК – культура воронковидных кубков (Осторф). Для этой серии расстояния вычислены по 9 признакам, для прочих – по 14. Отрицательные величины означают, что расстояние меньше ошибки. Наименьшие значения выделены жирным шрифтом.

Наиболее тесные связи между группами. 1 – алакульская группа (Южный Урал), 2 – алакульско-кожумбердинская группа (Западный Казахстан). Обозначения предполагаемых миграций: штрих-пунктир – IV-III тыс. до н.э.; пунктир – III – начало II тыс. до н.э.; сплошная линия – начало I тыс. до н.э. Направление миграций показано стрелками лишь в тех случаях, когда оно не вызывает сомнений.

происходило из степей на запад (новейшую версию см: [Anthony 2013]), сторонники идеи центральноевропейской прародины придерживаются противоположного мнения [Клейн 2012]. В настоящее время ни одна из этих теорий не получила перевеса. Аргументом в пользу второй из них мог бы послужить тот факт, что осторфская группа – самая древняя из всех. Но речь идет лишь о единичной параллели. В целом ямное население ближе к еще более древнему местному населению – среднестоговскому и хвалынскому – чем к жителям зарубежной Европы, а следовательно, в массе является автохтонным [Козинцев 2013].

Осторфская группа, таким образом, отличается от прочих популяций зарубежной Европы выраженным тяготением к европеоидам степей. Это было отмечено еще И. Швидецкой и Ф. Рёзингом, по данным которых она объединилась с носителями ямной и афанасьевской культур [Schwidetzky, Rösing 1989]. Особенno удивительна ее близость к группе, находящейся на противоположном конце предполагаемой миграционной цепи, а именно к чаахольской, которая также ближе к осторфской, чем к какой-либо иной (Швидецкой и Рёзингу она не была известна). На территории восточноевропейских степей их связывают две серии – ямная с Ингульца и ранnekатакомбная с Молочной. Начиная с них восточная направленность главного миграционного вектора сомнений не вызывает, поскольку более восточные популяции относятся к более позднему времени и местных корней у них не выявлено.

Антрапологические данные свидетельствуют, таким образом, о второй волне продвижения европеоидов в Центральную Азию – первая была связана с афанасьевцами, а третья – с андроновцами. Отдельный миграционный импульс привел к появлению европеоидов в Восточном Туркестане; хронологическое соотношение его с тремя другими миграциями неясно [Козинцев 2012].

Изложенные факты проливают свет на проблему предполагаемого ямно-катакомбного компонента в окуневской культуре (Лазаретов, 1997). Попытка выявить его антропологическими методами не привела к заметному успеху, так как в центре внимания были минусинские окуневцы, в массе имеющие местные (неолитические) корни [Громов 1997; Козинцев 2009]. На окуневцев же Тузы – чаахольцев – внимания в этой связи не обращали. Считалось (на основании типологических определений), что они напоминают людей из Раннего Тулхара в Таджикистане, отчасти афанасьевцев [Алексеев, Гохман Тумэн, 1987].

К сожалению, в данном случае, как и во многих других, типология нас подводит. На самом деле чаахольская серия совсем не похожа на раннетулхарскую ($D^2 = 7,27$) и не особенно напоминает даже ближайшую афанасьевскую группу – из Минусинской котловины (2,62). Возможно, следовало бы обратить внимание на параллель с группой из

Сапаллитепе (0,67), но гораздо более отчетливы и более значимы в свете археологических данных аналогии между чаахольцами и ямниками Ингульца (-0,21), а также ранними катакомбниками Молочной (0,41).

Это, судя по всему, и есть искомый ямно-катаомбный компонент у окуневцев, принесший черты «арийской» культуры в Центральную Азию (сводку археологических данных об этом см.: [Савинов 1997]). Можно предположить, что местные сибирские племена, заимствовав культуру пришельцев, не столько смешались с ними, сколько вытеснили их из Минусинской котловины на юг – в Туву. Это объясняет и парадоксальное сочетание западных и местных элементов в окуневской культуре, и разительное несходство физического типа минусинских и тувинских окуневцев.

Алтайской разновидностью окуневской культуры является каракольская. Но каракольцы, в отличие от чаахольцев, не проявляют никакого европейского тяготения, будучи, подобно минусинским окуневцам, близки к местному неолитическому населению, в частности, к группе из Верхнего Приобья (Усть-Иша и Иткуль), но не к минусинским окуневцам [Козинцев 2009].

Западный компонент в антропологии окуневцев оставался практически неуловимым лишь потому, что новые материалы из Украины большинству антропологов не были известны. Попытки связать брахицранных минусинских окуневцев с брахицранными катаомбниками были неубедительны, потому что пришельцы, как выясняется, были долихокранными (табл. 1). О двух названных группах с территории Украины – ямной с Ингульца и раннекатаомбной с Молочной – как о возможных вехах на пути продвижения индоиранцев из Европы на восток нам уже доводилось писать.

Не менее поразительна близость этих групп к андроновской (алакульско-кожумбердинской) группе Западного Казахстана [Алексеев 1967] (-0,36 и -1,36, соответственно). Вопреки распространенному мнению, столь близких параллелей для нее не обнаруживается ни в Средней Азии, ни в пределах срубной общности.

На предполагаемом пути из причерноморских степей в Туву намечаются пока две промежуточные группы – алакульская с Южного Урала и елуинская. Они очень похожи и обе тяготеют к чаахольцам. Алакульская группа, правда, позже елуинской и чаахольской, так что нельзя исключить обратного движения с верховьев Енисея и Оби на южный Урал уже в бронзовом веке. Интересно в этой связи, что алакульцы Урала особенно близки не к своим предшественникам на той же территории – синташтинцам и носителям петровской культуры, а к елуинцам и чаахольцам. Еще ближе они к среднеазиатской группе из Дашти-Казы, археологически связанной с пришлой культурой степной бронзы [Ходжайов 2004]. Но поскольку речь идет о еще более поздней эпохе, данный факт интересен не с точки

зрения происхождения алакульцев, а в связи с предполагаемым движением ариев (возможно, иранцев) на юг [Кузьмина 2008].

Для раннего железного века миграция из Центральной Азии в западном направлении по степям может считаться установленной не только благодаря трудам археологов ленинградской школы, писавших о центральноазиатском происхождении скифов, но и по причине исключительно тесного антропологического сходства степных скифов с чаахольцами [Козинцев 2007]. В этом случае можно предположительно говорить о повторном вытеснении европеоидов племенами восточного происхождения, но уже не местными сибирскими, а центральноазиатскими.

Можно ли сказать, что новые данные подводят окончательную черту под дискуссией о предполагаемых средиземноморцах? Нет, потому что пигментация этих людей нам неизвестна. С уверенностью можно лишь утверждать, что в Сибирь и Центральную Азию европеоиды (в большинстве своем, судя по всему, индоевропейцы) пришли не из Средней Азии или Закавказья, а из Восточной Европы.

Вопрос о появлении индоевропейцев в Восточной Европе более сложен. Никто не сомневается, что и ямные, и катакомбные племена относились к индоевропейской общности. Но если ямное население в массе имело местные корни и вело происхождение от среднестоговского и хвалынского, то ранние катакомбники (не только те, что жили на р. Молочной) были, очевидно, пришлыми, причем прийти они могли и из Закавказья, и из центральной Европы [Козинцев 2013]. Такая неопределенность вызвана тем, что гораздо раньше, уже в раннем неолите, в Центральную Европу с Ближнего Востока через Балканы начали проникать грацильные южные европеоиды, принесшие сюда производящее хозяйство [Haak et al. 2010]. Продвигаясь на север Европейского континента, они (или их гены) к концу неолита достигли южной Скандинавии, о чем свидетельствует ДНК, которую извлекли из костных останков людей, связанных с культурой воронковидных кубков [Skoglund et al. 2014].

Светлая пигментация андроновцев, карасукцев и тагарцев [Keyser et al. 2009], свидетельства античных и китайских источников, древние изображения, а также депигментация современного населения Южной Сибири – все это позволяло думать, что и другие группы, мигрировавшие из Европы на восток в III-II тыс. до н.э., были светлопигментированными. Это оказалось не так. По крайней мере, ямники были гораздо темнее, чем современное население Украины [Wilde et al. 2014]. Темнопигментированным был и энеолитический житель Монгольского Алтая (видимо, афанасьевец), и большинство людей, похороненных в могилах эпохи бронзы данной территории [Holland et al. 2014]. Поэтому некоторые из популяций, мигрировавших с запада в Центральную Азию в эпоху

бронзы, могли относиться к южной ветви европеоидной расы, о чем свидетельствуют также данные одонтологии [Тур 2009] и краниоскопии [Тур 2011]. Но отсюда не следует, что эти люди двигались непосредственно с Ближнего Востока, из Закавказья или из Средней Азии. Краниометрические данные однозначно показывают, что к каким бы ветвям европеоидной расы ни принадлежали европеоиды, проникавшие в Сибирь и Центральную Азию в бронзовом веке, они мигрировали туда из Европы по степям. Об этом можно говорить сейчас даже с большей уверенностью, чем прежде.

В железном веке ситуация изменилась, о чем свидетельствуют, например, портретные изображения всадников с ярко выраженным переднеазиатскими или среднеазиатскими чертами на пазырыкском ковре. И.И. Гохман, вероятно, имея в виду чаахольские черепа (их европейские аналоги тогда не были известны), предположил, что это могли быть потомки тех, кто переселился в Центральную Азию еще в эпоху бронзы [Баркова, Гохман 1994]. А.Ю. Худавердян [2013] ссылается на пазырыкские изображения как на аргумент в пользу закавказской теории происхождения индоевропейцев. Гораздо больше оснований видеть в них свидетельство археологически документированных контактов между ранними кочевниками Алтая и Памира [Смирнов 2012]. В частности, памирские саки, судя по их черепам, могли иметь именно такой облик. С появлением Великого Шелкового пути южный (среднеазиатский) маршрут проникновения европеоидов в Центральную Азию стал преобладать над северным (степным) маршрутом, тогда как главный вектор движения по степи изменился на противоположный – западный.

В заключение напомним, что в плане междисциплинарной индоевропейской проблемы важно не то, относились ли индоевропейцы к средиземноморской расе или к северной, а то, откуда они расселялись на восток. Антропологические данные – и генетические, и морфологические – лишь средство для решения данной проблемы.

Мы сердечно признательны С.И. Крук, предоставившей нам свои неопубликованные данные по группам бронзового и раннегородского веков с территории Украины.

Библиография

Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // Советская археология. 1967. № 1. С. 22–26.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, Наука, 1987. С. 208–241.

Баркова Л.Л., Гохман И.И. Происхождение ранних кочевников Алтая в свете данных палеоантропологии и анализа их изображений // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб, 1994. С. 24–35.

Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб, 1997. С. 301–345.

Кирюшин Ю.Ф., Солодовников К.Н. Компонентный состав андроновского (федоровского) населения юга Западной Сибири по результатам исследования палеоантропологических материалов эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 122–142.

Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы. Автореф. дис. ... к.и.н. М., 2011.

Клейн Л.С. Происхождение индоевропейцев и археология // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб, 2012. Кн. 2. С. 25–34.

Козинцев А.Г. Скифы Северного Причерноморья: межгрупповые различия, внешние связи, происхождение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 143–157.

Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 4 (36). С. 140–144.

Козинцев А.Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.

Козинцев А.Г. Из степи – в пустыню: ранние европеоиды Восточного Туркестана по данным генетики и антропологии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб, 2012. Кн. 1. С. 122–126.

Козинцев А.Г. Краниометрия населения южнорусских и украинских степей в эпоху бронзы (в связи с индоевропейской проблемой) // Международная научная конференция «Население юга России с древнейших времен до наших дней (Донские антропологические чтения)». Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2013. С. 34–36.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М., 2008.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб, 1997. С. 19–64.

Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб, 1997. С. 7–18.

Смирнов Н.Ю. Западные компоненты в культуре ранних кочевников Саяно-Алтайского нагорья (VIII-V вв. до н.э.). Автореф. дис. ... к.и.н. СПб, 2012.

Соловьев К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елуинской культуры эпохи ранней бронзы верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: издательство Алтайского Гос. университета, 2003. С. 142–176.

Тур С.С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия Алтайского Гос. университета. 2009. № 4 (64). С. 228–236.

Тур С.С. Краниоскопическая характеристика носителей андроновской культуры Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1 (45). С. 147–155.

Ходжайов Т.К. Новые антропологические материалы эпох неолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. 2004. № 11. С. 87–101.

Худавердян А.Ю. Армения в антропологическом пространстве Евразии в эпоху бронзы // Историко-филологический журнал. 2013. № 2 (193). С. 255–272.

Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к проблеме происхождения индоевропейцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. 1984. Ч. 1. М., 1984. С. 118–120.

Anthony D.W. Two IE phylogenies, three PIE migrations, and four kinds of steppe pastoralism // Вопросы языкового родства. 2013. № 9. С. 1–21.

Haak W., Balanovsky O., Sanchez J.J. et al. Ancient DNA from European Early Neolithic farmers reveals their Near Eastern affinities // PLoS Biology. 2010. Vol. 8. № 11. e1000536.

Holland C., Keyser C., Giscard H. et al. Strong genetic admixture in the Altai at the Middle Bronze Age revealed by uniparental and ancestry informative markers // Forensic Science International: Genetics. 2014. Vol. 12. P. 199–207.

Keyser C., Bouakaze C., Crubézy E. et al. Ancient DNA provides new insights into the history of South Siberian Kurgan people // Human Genetics. 2009. Vol. 126. № 3. P. 395–410.

Schwidetzky I., Rösing F. Vergleichend-statistische Untersuchungen zur Anthropologie von Neolithikum und Bronzezeit // Homo. 1989. Bd. 40. H. 1-2. S. 4–45.

Skoglund P., Malmström H., Omrak A. et al. Genomic diversity and admixture differs for Stone-Age Scandinavian foragers and farmers // Science. 2014. Vol. 344. № 6185. P. 747–750.

Wilde S., Timpson A., Kirsanow K. Direct evidence for positive selection of skin, hair, and eye pigmentation in Europeans during the last 5,000 years // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA. 2014. Vol. 111. № 13. P. 4832–4837.